

Великие традиции русской литературы

«По стопам, возматривая над тлеющим трупом, сохраняя память твою в дальнейшее потомство. Не камень со иссеченным именем твоим принесет славу твою в будущее столетие... — Нет, не холодный вздох сей повестует, что ты ждал на славу имени русского... Творения твои да повествуют нам о том, какие твои да скажет, почто ты славен».

Так писал о Ломоносове Радищев, и эти слова мы с полным правом можем отнести к самому Радищеву, отмечая двухсотлетие его дня рождения.

Советский народ благоговейно чтит память Радищева. В далекую эпоху крепостнической реакции и тяжелого гнета монархической власти Радищев поднял смелый голос протеста. Он заложил основы русской революционной литературы, которая сыграла выдающую роль в развитии освободительного движения в России. Он, по его собственным словам, «нам волею был первый проринал».

Революционные идеи Радищева были восприняты, развиты передовой русской литературой. Они питали творчество поэтов-радищевцев. Они вдохновляли Пушкина и декабристов, они звучали в набате греческого «Колокола». С особой силой проявились они в литературном творчестве и борьбе революционеров-демократов прошлого столетия. Каждое новое поколение русских писателей, отстаивавших интересы народа, развивало эти идеи, упреляло и обогащало революционные традиции.

Продолжая традиции революционной поэзии Радищева, поднимала свой голос передовая «муза земли и неба». Салтыков-Щедрин с силой, присущей лишь великим художникам, бичевал свой сатирический самодержавный строй и крепостнический порядок.

Отдаваясь на громадный путь, пройденный русской литературой, можно сказать, что все крупнейшие произведения, составляющие ее мировую славу, были в той или иной мере связаны со свободной и общенародной традицией, истоки которой восходят к творчеству автора «Путешествия из Петербурга в Москву».

Радищев славен в наши дни, ибо он горючо любил свой народ и видел в нем главную, решающую силу нашей истории. Это сказалось и в оценке русского народа, «к величию и славе рожденного», и в провозглашении писателя, предсказывавшего, что именно из среды народа, добившегося свободы, выйдут «великие мужи», способные управлять общественной жизнью.

Прогрессивная традиция Радищева оптимистично и смело ставила вопрос о ее общественном назначении: «блажен писатель, если творением своим мог просветить хотя одного, — блажен, если в одном хотя

сердце посеял доброту». Но роль литературы, по мысли Радищева, состоит не только в распространении знаний. «Доброту», которую следует сеять в сердцах читателей, есть гражданская, общественная доброту, связанная с интересами народа. Именно поэтому достойны признательности только «мужественные писатели, встающие на губительную и вселивую». Для Радищева литературная деятельность была средством борьбы за политические права народа, за его свободное и счастливое будущее.

Творчество писателя-трибуна Радищева своей публицистической остротой решительно противостояло писаным представителям школы «классицизма», с их преднамеренной откровенностью о реальной жизни, «парнасской» холодностью и чопорностью, а также западноевропейскому сентиментализму, увидевшему литературу в узкий мир личных переживаний. Радищев, как писатель, стремился активно вторгаться во все области общественного бытия и вернуть свой приговор над явлениями жизни. Ярким примером служат знаменитое «Путешествие из Петербурга в Москву».

Страстная публицистичность характерна для всей последующей русской литературы, служившей освобождению и развитию народа. В наши дни эта традиция боевого искусства, ведущего борьбу за лучшие идеалы народа, развитая в литературной практике великих революционеров-демократов прошлого века, вышла свое новое, более высокое развитие и научное обоснование в ленинском принципе большевистской партийной литературы.

Проповедуя идеи и взгляды необыкновенной смелости и новизны, Радищев стремился выковать новый литературный язык, найти новые средства художественной выразительности. Для эстетических воззрений Радищева характерно ясное понимание зависимости литературной формы от содержания. Он был ярким врагом застывших литературных канонов. «Блеск наружный, — говорил он, — может завлечь, но истинная красота не поблекнет никогда». Задача писателя, по мнению Радищева, состояла не в том, чтобы писать на русском языке столь же «сладостно, как и на итальянском», но в том, чтобы находить такие изобразительные средства, которые раскрывали бы самую суть, самую красоту изображаемого. В его взглядах, пусть еще недостаточно развернутых, заложены зародки того, что позднее выросло в эстетическую систему Белинского, Чернышевского, Добролюбова.

Радищев дорог нам как зачинатель реалистического направления русской литературы, стремившийся правдиво отобразить современную ему жизнь во всех ее важнейших чертах. Впервые в нашей литературе он дал обобщенные, живые образы людей труда, представителей народа.

Далеко ушла с тех пор литература, начертывая на своем знамени идеи воли, связавшая свою судьбу с освободительным движением. Гениальные русские писатели, явившиеся после Радищева, принесли нашей литературе мировое признание. Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую страницу в истории русской культуры. Могучие идеи коммунизма, идеи Ленина и Сталина одухотворили искусство нового времени, сделали советскую литературу могучей силой в деле строительства нового общества.

Сегодня советские люди обращаются к памяти великого писателя, основоположника лучших национальных традиций русской литературы, с любовью и благодарностью. Мы говорим ему его же словами: «доколе слово российское ударит будет слух, ты жвз будешь и не умрешь».

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 70 (2557)

Среда, 31 августа 1949 г.

Цена 40 коп.

От Всесоюзной конференции сторонников мира Товарищу И. В. СТАЛИНУ

ДОРОГОЙ ТОВАРИЩ СТАЛИН!

Мы, представители широких кругов советской общности — рабочего класса, колхозного крестьянства, интеллигенции, собравшиеся на Всесоюзную конференцию сторонников мира, от всего сердца шлем Вам, нашему учителю, великому борцу за мир и дружбу народов, свой самый сердечный и пламенный привет.

Ваше имя стало великим знаменем борьбы миллионов простых людей за мир, за демократию.

Вы зажгли в сердцах всех простых людей земного шара непоколебимую веру в великое и правое дело борьбы за мир во всем мире, борьбы за национальную независимость народов, за процветание дружбы и доброй воли между народами и народами. Ваша последовательность в борьбе за мир, Ваша твердость, Ваше благородное мужество служат нам примером и образцом.

Под руководством героической партии большевиков, под Вашим руководством, товарищ Сталин, советский народ победил фашизм, отстоял честь, свободу и независимость своей Родины и спас все человечество от угрозы позорного фашистского рабства.

Только благодаря этой исторической победе простые люди всего земного шара могут с надеждой смотреть вперед, в будущее и верить в окончательную победу над темными силами империалистического варварства.

Вот почему в каждой речи, сказанной здесь в защиту мира, с горячей любовью и благодарностью произносилось Ваше имя.

Мы знаем, что борьба за мир — нелегкая борьба. Мы видим, как империалисты всего мира и, в первую очередь, американские империалисты, делают все, чтобы помешать нашей борьбе за мир. Но нет такой силы, которая бы смогла поколебать нашу волю, нашу веру и раздвинуть народы в борьбе против поджигателей войны, против людоедов империалистического лагеря.

Мы полны решимости отдать все свои силы на священный алтарь мира.

Мы, собравшиеся в нашей славной столице Москве на конференцию сторонников мира, по-деловому обсудили наши планы борьбы за мир.

Мы с большим удовлетворением выслушали наших зарубежных друзей, заверивших нас, что народы их стран полны решимости вести борьбу против поджигателей войны и всеми средствами укреплять дружбу с народами великого Советского Союза.

Мы создали постоянный Советский комитет защиты мира и возложили на него благородную задачу всемерно укреплять дружбу между народами, разоблачать поджигателей войны, бороться за мир так, как учите нас Вы, дорогой наш вождь и учитель.

Да здравствует наша Родина — Советский Союз, первый и величайший защитник мира во всем мире!

Да здравствует ведущая нас к победам великая партия большевиков!

Да здравствует наш дорогой, любимый товарищ Сталин!

Постоянному комитету Всемирного конгресса сторонников мира, всем участникам движения в защиту мира во всех странах

Мы, представители всех народов Советского Союза, собравшиеся на Всесоюзную конференцию сторонников мира для того, чтобы содействовать дальнейшей борьбе, вместе со всеми народами мира, против подготавливаемого империалистами новой мировой войны.

Мы полностью поддерживаем решения Парижского конгресса сторонников мира и приветствуем создание Постоянного комитета Конгресса, который должен объединять и направлять усилия народов, отстаивающих дело мира.

Мы уверены в том, что это движение, охватывающее сегодня сотни миллионов людей и все расширяющееся, способно предотвратить угрозу новой войны.

Мы видим, как империалисты готовят новую мировую войну, ведут бешеную гонку вооружений, стараются запугать всех «атомными» ужасами, стараются отравить умм тлетворной, человеконенавистнической пропагандой.

Каждый честный человек видит, что англо-американские империалисты являются главными зачинщиками новой войны, которая будет войной против всего человечества. Именно они породили военную истерию и всечасно раздражают ее. Именно они являются инициаторами агрессивного Атлантического пакта, в то время как американский и английский народы так же, как и все другие народы мира, не хотят войны.

СССР — страна мира и творчества, высоко держащая знамя социалистического труда, великая мирная держава, где нет и не может быть сторонников агрессивной войны. Страна наша победила самого страшного врага человечества — фашизм. Она и сегодня стоит на страже мира, защищая дело прогресса и культуры.

Империалисты распространяют клевету о том, что Советский Союз якобы проводит политику агрессии. От имени двухот миллионов советских людей мы отвергаем эту ложь врагов человечества. Этой чудовищной лозью хотят замести следы те, кто

строит свои военные базы по всему миру, кто действительно ведет политику военной агрессии, политику развязывания новой войны. Все народы знают, что Советское правительство твердо и последовательно проводит политику мира и сотрудничества между народами всех стран. Именно поэтому оно и подвергается столь злобным нападениям со стороны лагеря реакции и поджигателей войны.

В единстве воли и действий всех народов, борющихся за мир, мы видим важнейшее средство срыва планов поджигателей войны. По всему миру сегодня кипит народное движение сторонников мира, народы полны решимости защищать интересы мира и не допустить новой кровавой войны.

Прошли те времена, когда империалистам удавалось обманывать массы и сохранять тайну, в какой рождались преступные войны. Теперь народы разбираются в сущности замыслов агрессоров и ясно видят, что поджигатели войны не являются теми вершителями судеб мира, какими они хотят изобразить себя; народы теперь представляют такую силу, которая способна сорвать преступные замыслы империалистической и защитники дела мира.

Война, которую так жаждут развязать империалисты, равно угрожает всем народам и несет им неисчислимые бедствия.

Как провозгласил Парижский Конгресс: защита мира есть дело всех народов мира! На всех континентах миллионы честных, простых людей поднимаются, чтобы активно вмешаться в вопросы войны и мира, объединяются для тесного международного сотрудничества.

Мы принимаем обязательство всемерно поддерживать и развешать пропагандистскую и организационную деятельность Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира по сплочению всех сил, борющихся за мир, против войны.

Являясь последовательными и принципиальными сторонниками мира, мы — совет-

Сегодня исполняется 200 лет со дня рождения выдающегося русского писателя-революционера Александра Николаевича Радищева. Советская страна широко отмечает юбилей пламенного русского патриота. Портрет работы худ. А. Лактинова, выходящий издательством Академии художеств СССР.

230.000 слов

Словарь современного русского литературного языка

ЛЕНИНГРАД (Наш корр.). В Ленинградском отделении Института русского языка Академии наук СССР продолжается работа над изданием «Словаря современного русского литературного языка» в тридцати томах; в нем будет свыше 230 тысяч слов. В прошлом году вышел первый том, подготовляется еще три тома. Первый том в ближайшее время выпускается дополнительным тиражом. Словарь должен широко отразить лексическое богатство русского языка. Значение и употребление каждого слова иллюстрируются выдержками из произведений писателей, ученых, а также отрывками из газетных материалов. В работе над составлением словаря институт использует «карточку читателя», возникшую еще в прошлом столетии и насчитывающую ныне около пяти миллионов выписок. Она особенно разрослась за последние годы.

На 85 тысяч карточек зафиксированы выдержки из произведений вождя большевистской партии и советского государства, 60 тысяч выписок сделано из произведений Пушкина, 35 тысяч — Горького, 21 тысяча — Чернышевского, 15 тысяч — Белинского. Стремясь полнее отразить новые явления в родном языке, коллектив института пополнил карточку отрывками из лучших произведений советской литературы, удостоенных Сталинских премий. В карточку включено около 100 тысяч цитат из книг Фадеева, Павлика, Колосова, Пановой, Бабельского, Бубликова, и др. Карточкой пользуются не только составители словаря, но и научные работники Москвы, Ленинграда, а также Латвийской, Азербайджанской, Армянской, Узбекской и других республик.

В работе над составлением словаря участвует группа научных сотрудников института, возглавляемая членом-корреспондентом Академии наук СССР С. Бархударовым (ответственный редактор «Словаря»).

УЧЕБНИКИ

БУДУТ ПОСЛАНЫ

Ответ на телеграмму школьницы поселка Кола

В «Литературной газете» от 27 августа под заголовком «Прости немедленно вменять!» была опубликована телеграмма учащихся средней школы поселка Кола, Мурманской области. Школьники сообщили о том, что учебники для 9-го и 10-го классов, как им объявили, в Кольской школе нет и не будет.

В связи с этой телеграммой министр просвещения РСФСР И. А. Капоров сообщил редакции, что им дано телеграфное указание заведующему Мурманским областным отделом народного образования тов. Липатов немедленно обеспечить Кольскую среднюю школу всеми учебниками для 9-х—10-х классов, полученными областной базой Кола.

По Советскому Союзу

ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

◆ Ленинград. «Зал техники» открыла в помощь номатрам производства Публической библиотеки имени И. Е. Салтыкова-Щедрина. Ежедневно сотни инженеров, мастеров, начальников цехов, станочников ленинградских предприятий, студентов, научных сотрудников работают здесь над книгами и чертежами. К их услугам десятки тысяч книг и журналов по различным отраслям техники, богатейший справочный материал, схемы, библиографические пособия и в помощь нужного материала. Художественная выставка «Русские музеи» — сокращенная русская национальная культура» открылась на Невском машиностроительном заводе имени Ленина. Экспонированы репродукции с работ И. Репина, В. Сурикова, И. Шишкина, В. Серова и других русских мастеров живописи. Выставка организована научными работниками Русского музея.

◆ Фрунзе. Киргизский народ готовится отметить тысячелетие замечательного памятника устного народного творчества — эпоса «Манас». Для проведения юбилея создана комиссия во главе с председателем Совета Министров Киргизской ССР тов. И. Разаковым. Подготовлено юбилейное издание эпоса на киргизском языке. Оно выйдет в 14 томах.

◆ Киев. В 1949 году в колхозах Украины создано более 6.000 библиотек. Теперь в украинских селах насчитывается свыше 16 тысяч библиотек.

◆ Ашхабад. Туркменский государственный ботанический сад отправил по просьбе ботанических садов Венгрии, Чехословакии, Румынии, Болгарии и Польши посылки с семенами местного шипра, клепа, песчаной акации, черного миндаля и многих других дренско-кустарниковых растений, характерных для флоры Туркмении.

◆ Таганрог. Восстановлено здание бывшей гимназии, где учился великий русский писатель А. П. Чехов. Сейчас в этом здании размещена школа, носящая имя писателя. В классе, где учился Антон Павлович, по инициативе преподавателей и учащихся, создается музей Чехова.

ИЗДАНИЯ 1950 ГОДА

План Гослитиздата

Коллегия Главполитграфиздата утвердила на днях тематический план произведений, которые будут выпускаться в 1950 году Государственным издательством художественной литературы (Гослитиздат). Проект плана, как уже сообщалось, был обсужден на редакционном совете издательства; ныне этот проект подвергся некоторым изменениям.

По сравнению с прошлыми годами, резко увеличивается выпуск произведений русских классиков, современных русских писателей и писателей братских народов СССР, а также славянских стран. Произведения русской классической литературы выйдут общим тиражом в 24.595.000 экз., советской русской литературы — 8.595.000 экз., литературы народов СССР — 1.265.000 экз., литературы славянских стран — 915.000 экз., труды по литературоведению — 825.000 экз.

План 1950 года предусматривает выпуск новых крупных изданий. Так, по разделу русской классической литературы запланировано новое 16-томное издание произведений Л. Н. Толстого и продолжение выпуска его 94-томного собрания сочинений; массовое издание собрания сочинений А. М. Горького, о котором уже сообщалось в печати. Будет продолжен выпуск «Библиотеки русского романа» — десять произведений Л. Толстого, И. Гончарова, И. Тургенева, С. Крачинского, И. Лажечникова и др., а также новые книги «Библиотеки мемуарной литературы».

Отдельными изданиями выйдут: «Слово о полку Игореве», сборник «Былины», «Горе от ума» А. Грибоедова, двухтомник М. Лермонтова, «Дело Артамоновых», «Мать» — А. М. Горького; сборники: «Русская проза XVIII века», «Русские повести первой половины XIX века», «Писатели-декабристы», однотомники А. Грибоедова, Н. Некрасова, Ф. Тютчева, Н. Помыяловского. Завершается издание переписки А. Чехова с О. Киппер. Будут выпущены последние томы «Архива» А. М. Горького («Горький и Чехов», «Горький и Короленко», «Горький и Шалигин», «Горький и Златовлас»).

Из изданий русской советской литературы намечено издание сочинений Ф. Гладкова в пяти томах и завершение издания собрания сочинений А. Новикова-Прибоя. В «Библиотеке советского романа» выйдут: «Счастье» П. Павленко, «Бруски» П. Панферова, «Первые радости» и «Необыкновенное лето» К. Федина, «Степан Разин»

А. Чапыгина, «Емельян Пугачев» В. Шинкова и др. Отдельные издания: «Они сражались за родину» М. Шолохова, «Сыновья» и «Открытые миры» В. Смирнова, «Демидовы» Е. Федорова, а также избранные стихи М. Исаковского, А. Прокофьева, А. Софронова, А. Суркова, В. Лебедева-Кумача и других советских поэтов.

Издательству предложено уделить особое внимание художественному оформлению и полиграфическому исполнению книг советских писателей. Многие произведения советской литературы выпускаются в иллюстрированных художественных изданиях. Богато представлена в плане 1950 года литература народов СССР. Среди многих изданий предусмотрен выпуск каракалпакского эпоса «Кырк-Кыз», сказок народов Севера, сборника чувашской литературы, антологий белорусской поэзии, сочинений Джамбула, сборника «Украинские сказки», латышских новелл Р. Блаумена, сборника эстонской советской поэзии, «Избранного» Остапа Вишны и др.

В разделе «Литература славянских стран» выйдут семь книг чешских писателей: А. Ирасек — «Философская история», Карел Гавличек-Боровский — «Избранное», антология чехословацкой поэзии и др., три книги болгарских писателей И. Вазова и Л. Каравелова, книги польских писателей и поэтов В. Реймонта, Ю. Словацкого, А. Струга, В. Сенкевича, С. Жеромского, М. Конопницкой.

Литературоведение и критика представлены в плане следующими трудами: сборником материалов и исследований о Л. Н. Толстом, вторым томом биографического исследования И. Бродского — «Лермонтов»; монографиями: «Летопись жизни Н. Г. Чернышевского» — Н. Чернышевской-Быстровой, «Н. А. Некрасов» — А. Егорова, «Некрасов-художник» — К. Чуковского, книги А. Котова о Короленко, А. Мясникова о Горьком, С. Петрова о Грибоедове, Е. Суркова о Федине, В. Щербина об А. Толстом и других.

По плану издания иностранной литературы начнется выпуск 12-томного собрания сочинений О. Бальзака, 10-томного — Л. Драйзера и двухтомного — Ш. Петеффи. Готовятся к выпуску: «Остров фарисеев» Д. Голсуорси, «Трагическая Америка» Т. Драйзера, сборник античной лирики, два тома избранных произведений Жорж Санд, «Дон-Кихот» М. Сервантеса. В 1950 году издательство даст 12 выпусков «Роман-газеты», выходящей массовым тиражом.

Семен КИРСАНОВ НЕ СМЕТЬ!

Человеку простому	в мире	долларной власти	нас,
нужно	строить,	счастье—	готовящих
строить,	сеять,	слезы сирот и вдов.	мор и смерти!
Лишь у гангстера,	жать,	Рекетирам	Есть
у банкира	у банкира	приказ—	Советский Союз
жажда —	рушить,	не медлить! —	на свете,
рушить,	уничтожать!	их фальшивки —	он
Человеку простому	надо —	Ку-Клукс-Клан..	он
много книг,	инструментов,	Но не бред ли,	войне говорит:
инструментов,	линз,	ваш	— Не сметь!
Жадность гложет	стальных магнетов—	военно-шантажный	Всем народам
больше бомб,	чтоб напасть	план!	сегодня ясен
на жизнь!	на жизнь!	горы труные,	сговор
Человеку простому	счастье в	тому не быть!	в заоканской игле!
шум хлебов,	красота садов,	вашинг-тонкам	рыщет —
в далеком	в далеком	мир бомбить!	за пушечным мясом —
		Только сунуться,	по земле.
		и сдунет ветер	Не избегнет
			суда сурового
			поджигатель войны,
			Вот
			сторонников мира
			слово,
			мощный голос
			простых людей!

Пламенный борец за коммунизм

Слово пламенность неотделимо от жизни и деятельности Андрея Александровича Жданова. Пламенность присутствовала в его пропагандистских выступлениях в юности, во времена гражданской войны, в его борьбе против врагов народа, в его организаторском таланте в годы, когда он был руководителем ленинградских большевиков и всех трудящихся города Ленина, — и в мирные дни, и в небывавшие годы Великой Отечественной войны, когда на его плечи была возложена партией, товарищем Сталиным ответственность за осажденный Ленинград, ответственность, требовавшая огромной воли, силы характера, аналитической и творческой энергии.

Десять лет, в течение которых он работал в Ленинграде, — с декабря 1934 года по 1944 год — были годами необыкновенными. Это были времена бурного строительства, могучего роста всех областей народной жизни и жизни города Ленина. Семь лет из них пришлось на мирное строительство, три года на смертельную борьбу с фашизмом, возмездием уничтожить все достижения этих лет, поработать советский народ.

В суровые месяцы ожесточенной борьбы с гитлеровскими ордями А. А. Жданов стал душой обороны, и та энергия, которую он вкладывал в организацию битвы за Ленинград, вдохновляла умные ленинградцев находить выход из самых трудных положений, их необычайную изобретательность и сверхчеловеческое упорство в достижении цели.

Великий Сталин поручил ему защиту Ленинграда и неустанно следил за положением на Ленинградском фронте, забываясь о нуждах ленинградцев. Об этом говорил А. А. Жданов на заседании Верховного Совета СССР в июне 1942 года: «Мы непрерывно опущены и ощущаем любовную заботу о Ленинграде нашего вождя и учителя товарища Сталина. Мы знаем и чувствуем, что товарищ Сталин с нами».

Товарищ И. В. Сталин давал Ленинградскому фронту сложнейшие стратегические задания, которые диктовались обстановкой, складывавшейся на фронтах, и выполнять эти задания приходилось в труднейших условиях. Товарищ Жданов отдавал всю душу на выполнение этих заданий.

Тяжелым был тот день 21 августа 1941 года, когда Андрей Александрович вместе с товарищем Ворошиловым поднял воззвание, обращенное к ленинградцам о том, что враг — у ворот священного города: «Не для того мы живем и трудимся в нашем прекрасном городе, не для того мы своими руками построили могучие фабрики и заводы Ленинграда, его замечательные здания и сады, чтобы все это досталось немцам фашистским разбойникам. Никогда не бывает этому!.. Встанем, как один, на защиту своего города, своих очей, своих семей, своей чести и свободы!»

Андрей Александрович стал руководителем обороны в небывавших тяжелых условиях. Но именно в этих условиях он и являлся тем организатором сталинской школы, который видит, как нужно поступать, куда направить усилия, как поднять дух людей, как обобрать их, как вдохновлять на преодоление всех трудностей.

Перед решительным штурмом фашистских позиций Жданов, выступая с речью на собрании политработников фронта, сказал: «Надо вселить в войска такой боевой дух, чтобы люди... были готовы наступать и продвигаться вперед не на километры, а на десятки и сотни километров. Самого высокого, но кратковременного порыва недостаточно для победы. Чтобы разбить врага, нужно длительные и сосредоточенные напряжения сил, нужно, чтобы люди дрались, не думая об усталости, не допуская мысли о выходе из боя, пока не будет вышита до конца поставленная задача... Надо, чтобы храбрость сочеталась с мастерством, с выучкой...»

А. А. Жданов, как ученик великого Сталина, видел далеко вперед, через годы осады. Он видел и знал, что как бы ни

Борис ИЗЮМСКАЯ

Учитель в книгах для детей

1. Передо мной две хорошие книги писательницы М. Прижезловой — «Семиклассники» и «С тобой товарищи».

Это книги для детей — повести о школьной дружбе, о чести и честности, о новых коммунистических отношениях.

Многие страницы читаешь с волнением — радуешься знакомству с новым автором, характер которого — честный и ясный — все как бы просвечивает в образах книг. А все же, закрывая книгу, чувствуешь некоторую неудовлетворенность, как бывает, когда только упомянут о чем-нибудь важном и интересном и тотчас умолкает.

Думается, неудовлетворенность эта происходит оттого, что хорошо замечательны образы школьных учителей даны М. Прижезловой «шпунтиром». Об их действиях только предпологаешь, их присутствие чувствуешь лишь где-то «за страницами».

Да, они вызывают симпатию: суровый и неумный, но честный дух человек — математик Захар Петрович; робкая, горящая внутренним огнем любви к детям молодая учительница Даша; преподавательница Марина Григорьевна.

Да, они близки нам, эти милые, чуткие люди, и все же... Это только тени учителей, условные фигуры. О строгости их борьбы, поисках, напряженном педагогическом труде можно лишь догадываться.

Такое изображение школьного учителя — беда не только писательницы М. Прижезловой, но и многих других, кто пишет о нашей школе.

Попытайтесь вспомнить книги художественной литературы, глубоко и полно раскрывающие педагогический труд.

Память неизменно подсказывает вдохновенную «Педагогическую поэму» А. Макаренки, возможно, мы припомним еще два-три произведения, — и это все.

Почему же так получается, что в нашей школе, где обучается миллионная армия будущих строителей коммунизма, о чудесной армии народных учителей, их труде, который во многом определяет завтра нашей Родины, написано так непростительно мало?

Почему, если надо назвать образы стойких большевиков, созданных искусством мастеров художественного слова, мы легко вспоминаем десятки ставших дорогими сердцу имен, — от Павла Корчагина до полководца Воропаева, но беспомощно умолкаем, ссылаясь припомнить хотя бы нескольких героев художественной литературы — воспитателей школьной молодежи?

Кто и как учил и воспитывал Воропаевых в школе?

На одной из тихих улиц города Новочеркасска, в глубине двора, стоит небольшой дом. В нем живет пенсионер-учитель Павел Дмитриевич Литовченко.

В дверь стучат. Почтальон приносит письмо. Павел Дмитриевич распечатывает его и начинает читать. И чем дальше читает он, тем все более светлеет, разглаживается его лицо.

— Вот радость нашей жизни, — протягивает он мне лист бумаги, и глаза его млеют.

«Павел Дмитриевич! Милый мой, чудесный наставник, здравствуйте! Земной поклон, самые лучшие пожелания и до глубоких лет непроходящая благодарность Вам... мой первый учитель! Чтобы Вам не забывали в копеечку, представляю. Пишет Вам Ваш ученик Борис Рязанов. Нет, наверное, не помните, ведь лет двадцать назад сидел в классе на второй парте и вечно ерал... Мама ли у Вас была такти!»

Сейчас я кадровый офицер Советской Армии — майор. Провел все годы Великой Отечественной войны на ее фронтах. Искосил почти всю Европу. Двадцать лет прошло, как мы расстались, родной Павел Дмитриевич, но где бы я ни был — в око-

войнах, как ни станет после войны, и о своем месте в этой послевоенной жизни. Происходит это, главным образом, потому, что автор оторвал своего Хайруша от колхозной действительности, от определенного дела.

Правда, есть в повести второстепенный персонаж, молодой поэт Вась Гришин. Он мечтает о послевоенной работе в Карагандинском институте на 149-й странице автор, Вась думает об этом лишь потому, что успев «вылупиться в Карагандинку... в одну из карагандинских работниц».

Герои книги Валентина Овечкина «С фронтовым приветом», находясь на переднем крае, постоянно думают о будущем своей Родины, о той жизни, которую они защищают от врага и которую они, солдаты и строители, хотят сделать еще лучше и красивее. В этом, именно в этом, идея силы и значение галатейской книги Овечкина.

Хайруш Сартаев тоже хочет быстрее поправиться после ранения, «чтобы скорее закончить победой войну и вернуться домой... к мирной жизни, ученью, к труду, к любви». Но эта его мечта носит абстрактный, отвлеченный характер.

Война есть война. Бровь и подвиги, величие и смерть — такова обстановка войны. Нет слова, писателя, пишущий о войне, без абстрактно и ярко изображая картины боевой жизни. Но прежде всего он ни на одну секунду не должен забывать того, что военные мемуары — это, а художественное произведение о днях войны — это другое. Каждая наша книга о войне должна стать сильнейшим идеологическим оружием в руках народа, должна звать вперед, должна полностью раскрыть величие души советского солдата.

И уже говорил о несомненных достоинствах повести Г. Мурзенова. Именно они делают «Солдата из Казахстана» значительным явлением в казахской литературе. Но с позиций тех высоких требований, которые справедливо предъявляют нам наши читатели, мне казалось необходимым сказать и о том, чего нет в этой, в общем хорошей, патристической книге,

ПУТЬ К ПРАВДЕ

Имя М. Майеровой широко известно не только в Чехословакии, но и за ее пределами. Писательница, вышедшая на литературную дорогу в первые годы XX века, в то же время и крупный политический деятель, член ЦК коммунистической партии Чехословакии, активная участница борьбы чешских трудящихся.

Выпущенный Государственным издательством художественной литературы роман М. Майеровой «Сирена» в переводе на русский язык — одно из наиболее крупных ее произведений. «Сирена» написана писательницей в пору полной зрелости и ее таланта, и ее политического мировоззрения.

«Сирена» принадлежит к числу тех литературных произведений, которые принято обозначать условным и неточным термином «семейная эпопея», но которые далеко выходят за рамки этого узкого определения, раскрывая на материале личной судьбы героев широкую картину общественных отношений данной эпохи. На истории нескольких поколений семьи горняков и металлургов Кладенского промышленного района Чехии Мария Майерова показывает картину борьбы рабочего класса Чехословакии против капиталистических угнетателей.

Перо Майеровой подобно резцу в твердой руке опытного гравера, и сам роман производит впечатление гравюры, резанной на металле тонкими и резкими штрихами. Однако автор прекрасно владеет и мягкими полутонами. Многие страницы книги проникнуты глубокой задушевностью и теплом.

Родоначальник семьи Гуден — Иозеф Гуден, энтузиаст и мечтатель, одержимый идеями социализма, и его жена, сурового нрава и непоколебимого характера, держащая в своих руках семейные нити трех поколений Гуденов, — образы, наиболее удавшиеся писательнице.

Гуден — талантливый изобретатель, с пылкостью творческой мыслью. Его проекты не фантастичны, они имеют реальную практическую ценность. Но тщетно он пытается проводить их в жизнь. Он наталкивается на вечный закон капиталистического производства. Изобретения Гудена, которые он, как творец, жаждет увидеть осуществленными, хозяева скрупают лишь для того, чтобы он не перенердал их конкурентам, и хоронят их в архивной пыли. Ипохондрический, обительный в начале романа, Иозеф Гуден, столкнувшись с грубой и жесткой действительностью, замыкается, облетает, доходит до сумасшествия и бесплодно влечет свои последние дни.

Второе поколение Гуденов представлено в романе сильным изобретателем, тоже Иозефом (это имя становится в семье традиционным для старших сыновей) и его женой, Гуден-сын значительно отличается от отца внутренним складом. Он уже наследственный пролетарий-производитель, он родился и вырос в заводской обстановке, в дни усиленного роста кладенской промышленности, отлично приспособился к заводским условиям и, как пишет автор, становится «настоящим пролетарием». Но в то же время Иозеф Гуден-младший лишен той духовной глубины, тех порывов и исканий, которые характерны для его отца, и наделен известной долей легкомыслия: он любителю поухаживать за женщинами и выпить в компании. Может быть, он пошел бы по наклонной плоскости, если бы судьба не послала ему в ситуацию жену-трудящуюся, настоящую хозяйку, властную и энергичную, сумевшую построить крепкую семью. Превосходящий в романе сны борьбы жены Гудена за свое семейное счастье и домашний очаг. С большим драматизмом написана М. Майеровой кульминационная сцена этой борьбы, когда пьяный и распоясанный «глаза семейства» пытается проявить свою власть и избить жену, но получает в ответ пощечину и отпор от собственных детей, которые выступают за мать. Этот отпор заставляет Гудена озуматься.

Динамичные главы, посвященные первой волне протеста кладенских пролетариев — стихийному взрыву негодования, повлекшему за собой разгром домов директора завода, бездушного немца Баухера, духовного предка гитлеровских гаулейтеров,

и каждого буржуа — кладенского бургомистра.

Для этих глав писательница нашла выразительный литературный прием. Рассказ о событиях идет здесь от имени маленькой дочурки Гудена-младшего, шаловливой и жеманной Эмильки. Непосредственность детского впечатления окрашивает эти страницы особенной остротой, и с тем большим волнением воспринимает читатель и выразительные сцены стихийного народного гнева, и зверскую расправу жандармов с восставшими, и, наконец, вызванную бессмысленную смерть самой Эмильки. Жандармские пули смели девочку с изгороди бургомистерской виллы, откуда она любовалась на происходящее в своем праздничном платье, и тут же в первом издании романа, и Эмилька в сознании читателя.

Трагические события в семье — смерть Эмильки и последовавшая затем гибель второй дочери Ружены — не могут сломить волевого характера матери. Она пытается, правда, искать утешения в кружке духовидцев-спиритов, но при первом же посещении кружка здоровый ум женщины из народа заставляет ее с отвращением бежать из этого мистического болота и вернуться к повседневному труду и заботам о семье.

Ее старший сын, представитель третьего поколения Гуденов, идет в жизнь по стопам отца и отца, но он — человек новой формации. Он приближается к типу сознательного пролетария, пытающегося разгадать законы и смысл классовой борьбы, понимающего силу и значение коллектива. Он видит, как безжалостно похирает капиталистический Молох приносимые ему человеческие жертвы, и в нем растет чувство протеста против существующего порядка. Гуден решает поискать счастья в «новом мире» за океаном. Он покидает родную землю и эмигрирует в Америку. Однако Америка, этот обетованный рай, оказывается не столько лучше, чем жизнь на родине. Жизнь деду Гудена органически не приспособлена к механизму бездушной американской потогонной системы. В нем разлетается стихийная ненависть к этому миру мертвых машин, высасывающих живую кровь, он впадает в манию машинборчества. Во время забастовки и столкновения рабочих пикетов с полицией американская дубинка окончательно просвещает его. Гуден ужасает обратно на родину, полный ненависти к эксплуататорам и твердо уверенный в том, что единственный способ покончить с нищетой, угнетением и производством рабочего — это уничтожить класс эксплуататоров.

На родине он действует уже как закаленный борец за дело рабочего класса. Таким же сознательным борцом становится и его младший брат Рузда, шахтер, активный участник большой организованной забастовки кладенских шахтеров. Поколение, перешедшее от стихийных форм борьбы, какими пытались выразиться за робота деды и отцы, на путь организованной боев за свои права, стойко держится, несмотря на ширейшее и преследование профсоюзных боев. И хотя забастовка кончается неудачей, но читатель ясно, что эти первые ростки революционной борьбы дадут плоды в будущем и приведут к победе.

В романе есть ряд блестяще выписанных эпизодических персонажей. Трагична история либерального учителя Кадерабэка, потерявшего место в школе по доносу нечестного. Либеральный возможности заниматься педагогической работой, он идет на производство. Слабый физически, размякший духом, Кадерабэк не может освоиться с заводским атом и гибнет, сожженный электрическим током.

Приятельностью особенностью прекрасного таланта М. Майеровой является ее мягкий, высокочеловечный, немного грустный юмор, вообще свойственный чешской литературе. Он придает особую прелесть многим страницам книги, окрашивая их мудрой иронией, которая еще резче оттеняет драматичность описываемых событий. «Сирена» — произведение крупного мастера слова, насыщенное большим социальным содержанием, представляющее собой ценный вклад в литературу. Русский перевод этого романа — хороший подарок советскому читателю.

М. Майерова. «Сирена». Роман. Государственное издательство художественной литературы. Москва, 1949.

По следам выступлений «Литературной газеты»

«В СТОРОНЕ ОТ НАРОДНОГО ДЕЛА»

Так называлась статья члена-корреспондента Академии наук СССР В. Бушпанова, доктора сельскохозяйственных наук С. Соболева, профессора Д. Вилеского, кандидата сельскохозяйственных наук В. Сотникова и А. Голыкова, опубликованная в № 65 «Литературной газеты». Статья эта подвергла резкой критике работу Почвенного института Академии наук СССР.

Президиум Академии наук СССР 25 августа принял развернутое постановление, в котором указывается, что газета правильно вскрыла крупные ошибки и промахи, допущенные как отдельными научными сотрудниками, так и руководством Почвенного института в целом.

Президиум Академии наук отметил следующие важнейшие недостатки в работе Почвенного института: еще не преодолен недоученый и недостаточно развивается учение академика В. Р. Вильямса о едином почвообразовательном процессе и травопольной системе земледелия как основе повышения почвенного плодородия;

по ряду разделов своей научной деятельности институт оторвался от производственных задач почвоведения как науки, призванной теоретически обосновать практические способы повышения почвенного плодородия и создания высоких и устойчивых урожаев;

институт не обеспечил достаточно тесного сотрудничества с научными учреждениями Отделения биологических наук, особенно в комплексной работе по теоретическим основам создания высокопродуктивных урожаев; в институте крайне слабо развиты критика и самокритика. Далее в постановлении отмечается, что при выполнении важнейшей работы института по составлению Государственной

Виталий ЗАКРУТКИН

Смотреть с высоты будущего

В городе Хайруш встречается с беспризорниками.

Мы сталкиваемся тут с уже давно изжитой, устаревшей «романтикой бродяжничества», пещерой на обрывистом берегу реки, бесшабашными друзьями-беспариозниками, их похождениями на базарах, милосердным лавочником, ласковой старушкой, добродетельным миллионером. Нет, Мурзенов явно уклонился от почетной и трудной задачи показать детство маленького колхозника-казаха. Он увел своего героя из колхозного аула, лишив его типичной среды и тем самым обеднил своего Хайруша.

Хайруш Сартаев попадает в детский дом. Он кончает семилетку, работает учеником в парикмахерской. Накануне войны мы застаем Хайруша в армии в пограничных войсках. Прощаясь с родными местами, он уносит в душе образ Акбеты — маленького Верблюжонка — девочки из Кайракты. Хайруш любит ее, спугнувшись детства и мечтает о том, что Акбета когда-нибудь станет его женой. Но, увы! Он встретил на пароходе свою избранницу, которая стала женою злого и наглого бухтарестского гонимца (для отрицательной характеристики последнего автор с изысканной изощренностью использовал самые мрачные краски).

И здесь автор выбрал ситуацию, которая придает повести налет мнимой «литературности». Мурзенов разлучает детей, когда им было — мальчику десять, а девочке семь лет. Через всю книгу проходит традиционная для старой восточной литературы тема поисков возлюбленной, тема несуществующей мечты. Читателю даже непонятно, когда удалось возникнуть между героями то большое чувство, о котором много раз говорит автор.

Отъезд в армию завершается первой, менее удачной частью повести. Первую, менее удачную часть повести. Первую, менее удачную часть повести. Первую, менее удачную часть повести.

В центре книги — Хайруш Сартаев, но имени которого ведется повествование. Автор решил, повидимому, дать обширное жизнеописание своего героя и потому всю первую часть повести отдал изображению детства и юности Сартаева.

У Хайруша Сартаева, маленького паскушка из аула Кайракты, пропала телка. Председатель колхоза е в шутку пригрозил мальчику запретить его в сарай, и этого оказалось достаточно, чтобы Хайруш побегнул вверенное ему колхозное стадо и убежал в Гурьев. Трудно поверить в то, что ребенок так испугается председателя колхоза, в сущности доброго человека, которого он знал с самого раннего детства, и из страха перед ним расстался с колхозом, с горячо любимой матерью. Этот неправдоподобный случай, очевидно, понадобился писателю для того, чтобы создать своему герою необычную биографию и тем облегчить себе дальнейшую работу, но за самым делом он ее только усложнил.

Габит Мурзенов. «Солдат из Казахстана». Повесть. Перевод С. Злобина. Казахское отделение государственного издательства. 1949. 223 стр.

Замечательный русский писатель-революционер

Свою литературную деятельность Радищев начал прочно стоя на национальной почве. Сатирическое направление, со времени Калтемира ставшее, по словам Белинского, «живою струей всей русской литературы», получило замечательное развитие в творчестве Новикова и Фонвизина, в их эстетике «действительной живописи». Опыт русской литературы по-новому был освещен для Радищева восстанием Пугачева. Критика рабовладельческих порядков определяла и до Радищева основной характер сатирического направления. Радищев же пришел к критическому помещичьему самодержавному государству. Вот почему сатира Радищева приобрела небывалую долю силы. Вот почему в книгах его предстало самодержавие, это «чуждое общество, огромно, грозно и лаяло», изображенное большим писателем с почти документальной достоверностью.

Радищев был первым в числе дворянских революционеров. Решающим моментом в идейном формировании Радищева, событием, «разбудившим» его, было движение русских крестьян, возглавленное Емельяном Пугачевым.

Творчество первого русского революционера, проникнутое страстной жаждой интересов народа, исполненное ненависти к самодержавию и дворянско-крестьянскому противостоянию и дворянской и буржуазной культуре.

Создавая свои революционные новаторские произведения, Радищев воевал с мощным тогда течением буржуазного искусства — сентиментализмом.

Радищев отлично понимал, что эстетика англо-французского сентиментализма, несмотря на свою антифеодалную направленность, — оружие, не приемлемое для России. Больше того, оно в силу своей буржуазности, антиобщественности противостоит задачам русской революции.

Вот почему, создавая свои произведения, вставшие, как набат, на восстание, Радищев последовательно боролся с теорией и практикой англо-французского сентиментализма.

«Путешествие из Петербурга в Москву» — книга, посвященная проблемам будущей русской революции. Именно поэтому ее героем стал народ — движущая сила этой революции — и переловой дворянин, пермякский со своим классом, получающий благословение от крепостных крестьян и становящийся в ряды «сприращенцев вольности».

Ленин обращал внимание на особенность истории русской общественности — выделение из рядов дворянства деятелей, порывавших со своеобразной практикой к классу, к которому они принадлежали. «Дворяне вали России Брюнов и Аракчеевых, бесчисленное количество «пьяных офицеров, забияк, карьерных шеров, героев армаков, псарей, драчунов, секунов, серальников», да прекраснотных Маняловых. «И между ними — писал Герцен — развилась люда 14 декабря, фаланга Геремов, выкорчеванных, как Ромук и Рем, милоком дьявольского... Это какие-то богатыри, ковалены из чистой стали с головами до ног, воинов-соловьиных, вышедшие сознательно на явную гибель, чтобы разбудить в новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и рабщины».

Радищев всей своей деятельностью и своим «Путешествием», прежде всего, стремился разбудить в новой жизни молодое поколение, «очистить» детей, рожденных в среде палачества и рабщины.

Герой «Путешествия» — не Радищев. Это — человек, имеющий свою собственную биографию, своих многочисленных друзей, свои сложные, противоречивые убеждения, свой человек, который лишь под кофем путешествия оказывается способным стать радищевским «соучастником во благодетельности себе подобных».

Взяв в герои современника, типичного для общественной жизни России 80-х годов XVIII века, Радищев хотел открыть ему истину, обожжить его заблуждения и воспитать в нем своего «соучастника», способного сопроводить его на пути революции.

Общественно-политическая задача «Путешествия из Петербурга в Москву» определила художественные особенности произведения. Книга, написанная с целью умножения числа людей, «спрямо выражающих» действительность, имеет сюжет, строго подчиняющий себе весь вводный и повествовательный огромный материал. Радищевское «Путешествие» не распадается на отдельные куски, главы и эпизоды, как это обычно происходит в традиционном жанре сентиментальных путешествий, подхваченных субъективистским, индивидуалистическим задачам их авторов. Единным сюжетом «Путешествия» является история человека, познавшего свои политические заблуждения, открывающего правду жизни, новые идеалы и «справда», ради которых стоило жить и бороться, история идейного и морального обновления путешественника.

Путешественник проходит как бы три этапа. В первых главах ему открываются «частные неурядиства», он убеждается, что прежние его представления о России, якобы благоденствующей под управлением Екатерины, — плод глубоких заблуждений. В главе «Новгород» он уже вынужден признать: «прежняя система вышла к чорту».

Далее следует второй этап. Путешественник, убедившись, что Россия бедствует, что в ней процветают «неурядиства», злоупотребления властью, нечеловеческий жест, страстно ищет путей к изменению положения, к уничтожению «неурядиств». И ему предлагается, что единственный путь — путь реформ сверху. Разделяя взгляды многих дворянских деятелей той эпохи о просветленном характере царствования Екатерины, он полагает, что, если открыть «справду» монарху, все будет немедленно исправлено. Главы «Славская полость», «Крестьяны», «Хотюлов», «Видропуск» посвящены показу краха этой иллюзии.

Называется третий и последний этап идейно-морального обновления героя — формирование его революционных убеждений. Путешественник приходит к мысли, что в монархии, какой бы «просвещенной» она ни была, ни «великие отчужденцы» не могут принести народу свободу. Свободу народ может добыть только сам, вставая против угнетателей, вынуждаемый к этому «стязкостью порабощения» (главы «Медное», «Городня», «Тверь»).

В становлении революционных убеждений путешественника огромное значение имеет встреча с автором оды «Вольность», т. е. самим Радищевым. Путешественник жалко слушал «проповедание о будущем жребии отечества». Отдельные мысли, наблюдения, выводы — следствие собственного опыта путешествия — под влиянием стихов этого «сприращенца вольности» складываются в систему революционных убеждений. Он начинает чувствовать себя мстителем. Именно таким он и привязывается к станции Горюляна.

Начиная с Горюляна путешественник общается только с крестьянами, находясь только в их среде, мужественно ищет средств и путей к установлению связей с ними на началах взаимного уважения и доверия. Так в книгу вторгается народ, русский крепостной крестьянин, постепенно занимая центральное место в повествовании.

Народ в «Путешествии» нарисован так, как он еще никогда не изображался ни в русской, ни в мировой литературе.

Крепостничеству и самодержавию Радищев дает политическую характеристику.

Большее того, в книге он открывает путь изменения существующего несправедливого социального строя. Путь этот — революция, творимая крепостными крестьянами. Эта позиция и определила новую природу радищевской эстетики, новый характер образов людей из народа. Обобщенный образ крестьян у Радищева — бурлак, который «много может решить доселе галетальное в истории Российской».

Образ бурлака открывает галерею крестьян радищевского «Путешествия». В Любани происходит встреча с папущим крестьянином. Несмотря на свою бедность, крестьянин из Любани полон достоинства. Он не плачется, а сунул своего жестокого барина. В нем нет ни капли смиренности и уныния.

Еще более характерна встреча путешественника с крепостной девушкой Анютой из деревни Едрово. Несмотря на бедность, на сырость, на рабское положение, Анюта независима, горда, полна достоинства. И у нее, как и у крестьянина из Любани, основа жизненного поведения — труд. Именно труд составляет основу крестьянской и — путешественник понимает — истинно человеческой нравственности. Когда он, движимый искренним чувством, хочет подарить Анюте сто рублей, чтобы ускорить ее свадьбу с любимым человеком, Анюта и ее мать с негодованием отвергают эту подачку.

Глава «Едрово» имеет огромное значение в моральном обновлении путешественника. Перед ним открылся новый, неизвестный мир нравственной красоты и чистоты.

Далее путешественник встречается в Горюде рекрута-крепостного, волею «человеколюбивого помещика» получившего образование. Драматично в этом человеке силы, таланты и способности были разбужены, самосознание выросло. Проснувшись в нем человеческое достоинство делает его активным и смелым. Он грозно предупреждает своего мучителя: «...не доводи до отчаяния души», «страшнее!».

Рядом с образом крепостного интеллигента возникает образ Ломоносова, сына холмогорского рыбака. Ломоносов — великий деятель русской национальной культуры — неопровержимое свидетельство талантов русского трудового народа, его огромных потенциальных сил, его способности к величайшему государственному созидательному творчеству.

Когда Радищев писал «Путешествие из Петербурга в Москву», перед его глазами стоял опыт пугачевского восстания, в котором простой казак Пугачев стал вождем народа, крепостной Хлопуша — великодушным организатором восстания, рабочий Белобородов — начальником артиллерии. Вот почему в русских крепостных крестьянах, людях, отягощенных рабством, сведенных на положение «такого скота», Радищев сумел увидеть ту дремлющую до случая силу, которая сделает каждого из них «истинным сыном отечества», патриотом, деятелем революции. Сила, обязанная нравственной красотой русских крепостных радищевского «Путешествия» именно в том и состоит, что мы чувствуем в каждом из них будущего деятеля, свободного человека. Эта особенность радищевского подхода к крестьянам с необычайной силой проявилась в изображении им народного массы. Во всех этих случаях крестьяне даны в действии.

Впервые мы сталкиваемся с крестьянским народом в главе «Зайцево», где крестьяне «доведены до крайности» своим мучителем, обрушив на него свое мнение. В главе «Хотюлов» прямо говорится о пугачевском восстании, поднявшем десятки тысяч крестьян, ошеломивших великим «собоиствением от ига своих владык». В оде «Вольность» Радищев рисует картину революции, которая преобразила крепостных, сделала их «великими муж-

ми», мстителями, бойцами за вольность. Революция — высшее выражение творческих возможностей народа. Вот почему в Горюде путешественник, открывший для себя этот вагон, обращается с прямым призывом к крепостным — поднять восстание. Этот призыв к мятежу полон великой радостной веры в победу народа, в создание им своими собственными руками новой государственности, новой культуры, «народным правлением приличной».

«О, если бы рабы, тяжкими узами отягченные, являсь в отчаянии своем, разбили железом, вольности их препятствующим, главы пали, главы бесчеловечных своих господ и кровию нашею обгрязли нивы свои, — что бы тем потеряло государство? Скоро бы из среды их исторгулись великие мужи для заступления похищенного племени; но были бы они других о себе мыслей и права утешения лишены».

Глава «Клин» — одна из важнейших в «Путешествии». В ней завершается формирование революционных убеждений путешественника. Призывая к «збигнению племени мучителей», путешественник и «новомодный стихотворец», то есть Радищев, тем самым разрывали с дворянской средой.

Путешественник неустанно ищет путей сближения с крестьянством.

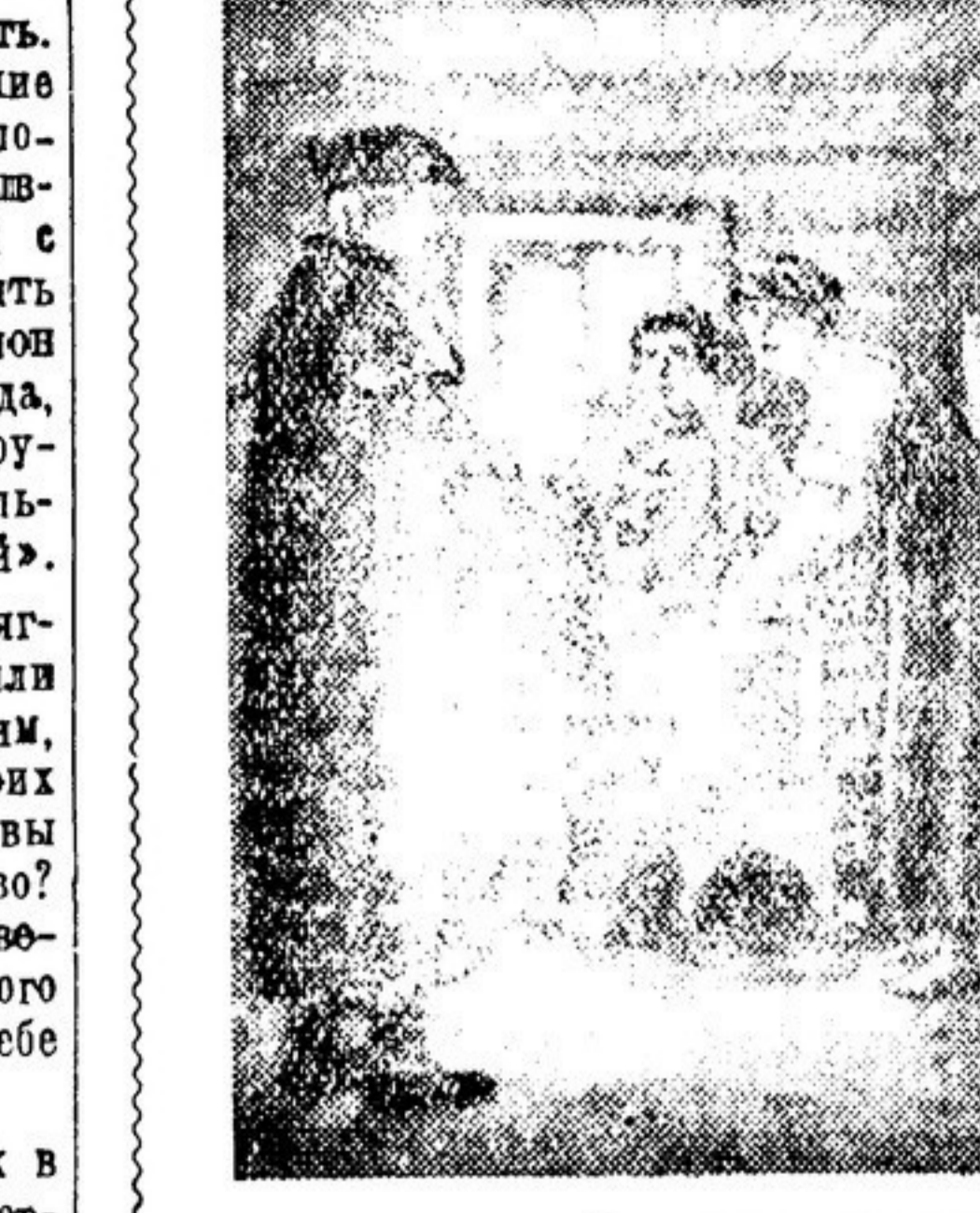
Особой остроты эти искания путешественника достигают в главе «Клин». Ближайшие копей путешественника. Встав на опасный в условиях России путь отстаивания вольности, на путь ищущего, путешественник страстно стремится получить благословение тех, за свободу которых он решил отдать свою жизнь.

Случай помог этому желанию. Везая в Клин, путешественник сразу попал в толпу крестьян, собравшихся послушать старого слепого певца. Путешественник решает подойти к нему, чтобы дать ему мыслительно и получить «благословение». Старик-певец, понявший, что перед ним не обычный барин, просит его дать «то, что может быть ему полезно», — шалок, чтобы завязать свое больное горло. Путешественник немедленно исполняет просьбу и уезжает.

Так должна была кончиться глава «Клин», но она не кончилась. Поиски путей к народу, к преодолению страшной отдаленности от него, жизненно важные для путешественника, для самого Радищева, заставили писателя сломать строгий композиционный принцип построения книги. Книга Радищева описывает путешествие из Петербурга в Москву, и только в одном направлении. Писатель нигде не говорит о дальнейшей судьбе путешественника. И только в главе «Клин» Радищев отступает от этого принципа и рассказывает о том, что произошло после окончания путешествия. В приписке к главе «Клин» Радищев говорит: путешественник на обратном пути узнает, что крестьянин-певец умер, но перед смертью надел его платок и вместе с ним был положен в гроб.

Наивная и прекрасная в своей простоте история с платком символически олицетворяет то благословение трудового народа, которого так жалал путешественник «на свершении своего пути», благословение, которое «облегчает стезю в шестидесяти и отыщет терние сомнительности».

На долю Радищева выпала историческая задача — осмыслить опыт русского народа в его неустанной многовековой борьбе за свою свободу. Это было исполнено в книге «Путешествие из Петербурга в Москву». Его мятежная книга поэтому — не только замечательный памятник личному мужеству и героизма. Это произведение, засвидетельствовавшее оформление в России самостоятельного, переходного философского и политического мировоззрения и самостоятельной, новой эстетики.

Рисунки художника М. Родионова к книге «Избранные произведения» А. Н. Радищева, выпущенной Детгизом.

Рисунки художника М. Родионова к книге «Избранные произведения» А. Н. Радищева, выпущенной Детгизом.

АДРЕСАТ „ПИСЬМА К ДРУГУ“

В течение многих лет биографы Радищева задавали вопрос, к кому адресовано одно из важнейших произведений Радищева «Письмо к другу, жителю моему в Тобольске, по достижении моего». Из сердечного обращения в начальных строках письма, где Радищев сожалеет об участии своего друга, оторванного от родных и близких, и вспоминает о совместно проведенных юношеских годах, было очевидно, что его адресат — не воображаемое, а реальное лицо. Из содержания «Письма» ясно, что Радищев обращается к человеку, который разделяет его общественно-политические воззрения, в котором он уверяет, как в противнике самодержавия.

Установление адресата «Письма к другу» должно было иметь немаловажное значение для характеристики близких друзей и единомышленников Радищева, группировавшихся вокруг него в период писания «Путешествия». Существование такой группы передовой русской интеллигенции упорно отрицалось либеральными историками литературы, распространявшими легенду об «одиночестве» Радищева.

Недавно советский литературовед А. Старцев, изучая биографии университетских друзей Радищева, установил, кто был адресатом «Письма к другу». Это — Сергей Николаевич Янов, ушедший вместе с Радищевым сперва в Петербург в Пажеском корпусе и затем в Лейпцигском университете.

Известна длительная борьба русских студентов в Лейпциге с наирителем Божком, приставленным к ним петербургским двором, и с реакционной немецкой профессурой. Янов играл заметную роль в этой борьбе. Ему принадлежит письменный отказ посещать лекции одного из «светил» Лейпцигского университета, профессора международного права Беме. Как показывает изучение почерков студентов, их коллективные жалобы на Божку (под которыми первой стоит подпись Радищева) написаны рукой Янова.

После Лейпцига Янов находился десять лет на дипломатической службе. В 1782 году молодой дипломат был внезапно отправлен в качестве директора экономии в Казенную палату отдаленного Тобольского наместничества.

В этом же году Радищев написал свое «Письмо к другу». Когда в 1797 г. Радищев вернулся из сибирского заточения и жил под надзором полиции в Немшево, он возобновил связь с Яновым. В письме к А. П. Воронцову от 21 сентября 1797 г. он сообщает, что Янов дважда писал, приглашая его к себе. В письме от 6 ноября того же года, извещая Воронцова о поездке в Калугу, Радищев упоминает, что провел два дня у Янова. Таким образом, загадка «Письма к другу» разрешена. К кругу близких друзей и идейных союзников Радищева следует причислить Сергея Николаевича Янова.

Редкое собрание книг Радищева

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Около 8000 томов в различные документы, связанные с жизнью и творчеством А. Н. Радищева, собраны за долгие десятилетия ленинградским ученым, доцентом финансово-экономического института И. Смольяновым.

Ему удалось найти первые списки «Путешествия из Петербурга в Москву», хранящиеся по рукам в конце XVIII века, редкое издание 1858 г. и один из немногих сохранившихся экземпляров книги в издании Ефремова (весь тираж которого сразу после выпуска был уничтожен полицией). В грядущей монографии И. Смольянов обнаружил в свое время и экземпляр редчайшего издания первого литературного труда Радищева — анонимно переведенную им в 1773 году книгу французского ордена Мабля «Размышления о греческой истории». В примечаниях к переводу Радищев еще задолго до «Путешествия» писал: «Самодержавство есть противоположное человеческому естеству состояние».

В этой книжной коллекции можно увидеть не только все дошедшее до наших дней сочинение писателя, но и посвященную ему обширную литературу. В дни блокады И. Смольянов не прерывал работы над радищевским наследием. Именно в этот период им было завершено составление литературно-критического библиографического списка Радищева, объемом в 70 печатных

листов. Вскоре после окончания войны ученому за диссертацию А. Н. Радищева в печати была присуждена степень кандидата филологических наук, а спустя некоторое время за труд, посвященный работам Радищева в области права, — степень кандидата юридических наук.

— В специальных изданиях на русском и иностранных языках, а также по архивным данным, — говорит И. Смольянов, — удалось найти много свидетельств того, что деятельность Радищева оставила глубокий след не только в философии, экономике, науке о праве, но также и в медицине, химии, физике, ботанике, зоологии, антропологии, географии, археологии и других науках. Выяснилось, например, что в Илмске, где Радищев в течение пяти лет находился в ссылке, он лечил местных жителей, делал хирургические операции и даже прививал оспу.

Другие материалы, собранные ленинградским ученым, рассказывают об интересных опытах Радищева в области воздухоплавания. И. Смольянов закончил научный труд «Летопись жизни и творчества Радищева». Эта работа, как и несколько других исследований ученого, под общим названием «Из размышлений о Радищеве» написаны для юбилейного сборника Института русской литературы Академии наук СССР.

НАША НАЦИОНАЛЬНАЯ ГОРДОСТЬ

В Ленинградском отделении Института истории Академии наук СССР хранятся архив Воронцовых. В собрании Воронцовых оказалось множество радищевских автографов, в свое время напечатанных. Учитывая это, Институт русской литературы Академии наук СССР произвел новые разыскания, обследовав многочисленные, до сих пор не опубликованные рукописи. Успех превзошел все ожидания: в этом архиве было обнаружено несколько до сих пор не известных статей Радищева, посвященных вопросам философии, истории, экономики, законодательства, статистики и т. д. Все это бесценное наследие появилось в 3-м томе полного собрания сочинений Радищева. В выходящих в издательстве «Избранных сочинениях» А. Н. Радищева в одном томе («Политизат») дается часть новых текстов Радищева, а именно: «Опыт о законодательстве», статья «О добродетелях и награждениях», записка «К Российской истории», заметки по русской истории, выписки из Несторовой летописи и «История Российской» Татищева и десять небольших набросков, объединенных в разделе «Разрозненные заметки». Все эти работы относятся к 80-м годам XVIII в.

Изучение новых текстов Радищева помогает нам еще полнее и шире понять всю грандиозность идейной работы писателя, всю глубочайшую самобытность его общественно-философской деятельности.

Революционные взгляды Радищева формировались под влиянием величайших событий русской истории конца XVIII века — крестьянского восстания, руководимого Пугачевым. События эти явились рубежом не только русской истории. Они послужили сигналом, — завывавшая битва против феодализма.

Так случилось, что в год восстания Пугачева в Петербурге одновременно были глава французского буржуазного просвещения Лидро и молодой демократ Радищев. Мозг как бы испытывала этих людей.

Ник. ДЕМИН

Как отнесется он к первому опыту вооруженной борьбы крепостных масс за свою свободу, что извлекут из него?

Лидро, верный своей идее просвещения абсолютизма, прибыл в Россию, чтобы обогатить русский народ своими советами, должностными претвориться в «мудром законодательстве» просвещенной, как ему представлялось, императрицы Екатерины II. Поэтому он пребывал во дворце. Он не интересовался русской литературой и русской оппозицией правительству. Швеция о России, о ее народе он предпочитал получать от Екатерины, задавая ей вопросы и довольствуясь ее «высочайшими» ответами. Его друг Вольтер узнал о восстании Пугачева от самой Екатерины. И он писал ей утешительные письма, уверяя, что просветители в этой свистке блудят на ее стороне, глубоко веруя, что она сумеет твердо расправиться с «маркизом Пугачевым».

Когда началось восстание Пугачева, Радищев весь обратился к нему, стремясь понять причины, породившие его, понять смысл и содержание народного освободительного движения, ища в нем ответы на вопросы о путях общественного переустройства.

Все настоящее России, все будущее ее, все общественно-культурная жизнь отечества, все идеологические вопросы — философские, политические, социологические, эстетические — рассматривались отныне Радищевым, человеком энциклопедических знаний, в свете опыта вооруженной борьбы русских крепостных.

оставалось на двух деятелях французского буржуазного просвещения, лидерах двух лагерей — умеренного и радикального, — на Монтескье и Руссо.

Монтескье был вдохновителем политической теории энциклопедистов. Его «Дух законов» был источником всех воззрений на государство и Гольбаха, и Гельвеция, и Лидро, и Вольтера. Абстрактная метафизическая теория Монтескье устанавливала три типа государственного устройства — республику, деспотию и монархию. Соответственно этой метафизической классификации, так же умозрительно делался вывод: республиканско-демократический строй прекрасен, но это идеал, в настоящее время неосуществимый. Деспотия — форма правления отвратительная, противная природе человека, подлежащая уничтожению. Монархия, да смягченная просвещением, да вдохновляемая философами, — вот программа для современного устройства политического бытия народов.

Эта схоластическая, оторванная от реальной истории народов теория не только не вооружала народ на борьбу, а, наоборот, оказывалась отчаянно использованной самодержавиями — Фридрихом II и Екатериной II. Эту схоластичность хорошо замечает Радищев. Во вновь найденных заметках мы читаем, что Монтескье «смычное нашел разделение правлений, имея в виду древние республики, ассирийские правления и Францию». Радищев отвергает социологию Монтескье, называет ее «устнованием».

Но политическая теория энциклопедистов никогда не вызвала сочувствия Радищева. Другое дело — Руссо. Его демократические радикальные воззрения в лейпцигский период казались молодому свободолюбивому истинными. И вот именно взгляды Руссо после пугачевского восстания подвергаются пересмотру.

В отличие от Монтескье, Руссо выдвигает в качестве идеала не монархию, а республику. Но Радищев показывает, что это отличие Руссо от Монтескье только кажущееся. В самом деле, Руссо проповедует республику, но лишь для малых

стран и народов. Больше же государства, по Руссо, монархий. В одной из вновь найденных заметок Радищев пишет: Руссо, «не взяв на помощь историю, влакучи, что доброе правление может быть в малой земле, а в больших — должно быть насилье». Последнее замечание крайне характерно: по Руссо, в больших землях должна быть монархия, Радищев же это толкует и переводит на свой язык — насилье. Дав оценку политическим и социоло-

ПУТЕШЕСТВИЕ.

ПЕТЕРБУРГА ВЪ МОСКВУ,

Чужде обо, озоро, огроно, спозново, в ааааа.

Тавельная, Тавь II. Кн: XVIII. смн: 514

ВЪ САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Титульный лист «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, Петербург, 1790 год.

гическим воззрениям Монтескье и Руссо, Радищев в крайне выразительных словах передает свое итоговое отношение к ним: «Монтескье и Руссо с утнованием много вреда сделали».

венную природу человека. В «Общественном договоре» Руссо заявляет: человек свободен по природе, но он ощущает себя вполне свободным только в одиночестве. Это — естественное его состояние. Общество, союз, по Руссо, нужны человеку лишь для него, для его защиты. Пребывая в обществе, он использует его для своих целей, всячески ограждая себя от этого общества и спасая от него свою свободу.

Радищев начисто отвергает эту теорию как антиобщественную, индивидуалистическую. Незавершенный набросок трактата «О добродетелях и награждениях» весь — опровержение философии «Общественного договора», первая попытка изложить иной, антибуржуазной точки зрения на человека и общество. Общество, союз, по Радищеву, создаются не для защиты индивидуальной свободы человека, а для «обуздания» тех, кто покушается на общие права людей.

«Единственность», по Радищеву, глупость. Только в союзе, в обществе, подчеркивает Радищев, человек может ощутить свое достоинство, свою свободу. «Немощны, бедны, расслаблены во единие, едва не всецельны стали в сообщении, твой чудеса его боги». Совершенно очевидно, что утверждение Радищева об общественной природе человека, о силе «союза» носит глубоко демократический характер и является теоретическим выражением опыта «союза» крепостных, «немощных во единие», но ставших «свободными» в сообщении в пору активной защиты своих прав, поправных угнетателями.

Радищев объявил и Руссо и Монтескье в нежизни жизни, история, в оторванности от политической и социальной опыта народов. В 80-е годы сам Радищев напряженно и много занимается русской историей, читает летописи, исторические сочинения, проводит огромную работу по изучению экономического положения современной ему России.

Оставшиеся радищевские замечания по истории («К Российской истории») свидетельствуют, что и в древней Руси и в недавнем прошлом русского народа Радищев ищет ответа на вопрос об истин-

ных начальных формах его политического бытия. И в Киеве и в Новгороде он особо отмечает «веча или народные собрания». Именно «на этих собраниях основывалась полная вольность народа».

Цари и князья, подчеркивает Радищев, отняли вольность у народа и с каждым годом, с каждым столетием все более и более его забавляли. Писатель видел, что в деятельности некоторых монархов было много прогрессивного, нужного для блага всего русского государства. Царь Иван Васильевич «соединил разрозненную на уделы Россию», «возбудил государственные силы, всегашним разделение и от ига татарского в недействие пришедшие». Петр I произвел «окончательное преобразование всего огромного государства». Но и эти цари, — и это очень важно для Радищева, — делят благо для русского государства, делают это за счет народа, не поному его забавляли. Это позволяло Радищеву окончательно отвергнуть идею монархии, выходящую на монарха, как бы «великими», «добрами», «мудрыми», «просвещенными» он ни был. И Радищев оправдывает восстание, благословляет русских крестьян на «мщение» своим «обидчикам» и «мучителям» — царю, дворянам и помещикам.

Так, из глубокого изучения русской истории социального и экономического положения народа, изучения опыта его освободительной борьбы, прежде всего, рождалась радищевская теория народной революции, впервые лишенная умозрительности, метафизичности.

Так, естественно, русская демократическая политическая мысль охватывалась ярчайшей политическим теориям западного буржуазного просвещения. Теория революции, сформулированная Радищевым, стала краеугольным камнем русского революционного просвещения. Творчество Радищева представляет собой вершину «предовой общественной мысли того времени и по праву является национальной гордостью нашего народа».

Тысяча девятьсот сорок девятый год богат знаменательными датами, связанными с именами выдающихся деятелей литературы...

В эти дни мы отдаем дань уважения и признательности Иоганну Вольфгангу Гете...

Иоганн Вольфганг Гете родился 28 августа 1749 года в старинном немецком торговом городе Франкфурте-на-Майне...

Германия того времени представляла собой отсталую, скванную многолетней косностью страну, раздробленную на мелкие и мельчайшие феодальные королевства...

Хотя немецкое бюргерство, не в пример своему французскому собрату, было слабо, не готово к выходу на арену борьбы с феодализмом...

В 1773 году появилась историческая драма Гете «Гец фон Берлихинген».

Героем этого произведения Гете является один из участников крестьянской войны рыцарь Гец фон Берлихинген.

Финал драмы, в котором Гец, выспренне декламирующий перед смертью «О, какой небесный воздух! Свобода! Свобода!»...

Следующее за «Гецом фон Берлихингеном» произведение Гете, прочно закрепившее за ним место первого поэта Германии...

Если трагедия Гета развивается в атмосфере огромных исторических событий, то одноклассовая в своей основе трагедия Вертера назревает и разрешается в рамках «сердечной жизни»...

Современники Гете и его соратники «Страдания молодого Вертера» показали отступление от поэзии, занятых им в драме «Гец фон Берлихинген».

За полувековой отдаленности от создания «Гета фон Берлихингена» и «Страдания молодого Вертера» от того времени, когда, как апофеоз литературной деятельности Гете...

Уже после появления в свет «Гета фон Берлихингена» и в особенности после опубликования «Страдания молодого Вертера» утвердилась всеобщая, а потом и всемирная слава Гете-писателя.

Исключительно интересное отношение к Гете таких крупных представителей русской литературы и общественной мысли, как Белинский, Герцен, Чернышевский, Писарев...

В свете такого взгляда на развитие личности Гете, не выходящий за пределы его враждебное отношение к французской буржуазной революции и его мелочные литературные выпады против нее...

«Гете в своих произведениях двойно относится к немецкому обществу своего времени. Он враждебен ему; он противно ему, и он пытается бежать от него, как в «Ифигении» и вообще во время итальянского путешествия...

«кой грустью констатирует, что «вопросы повседневной борьбы отводили себе значительное место в художественной литературе, некогда проникнутой только вечной человеческим».

Такое положение не нравится господину фон Штольцу, и он рекомендует современному немецкому писателю, «сужающим» себя до участия в «повседневной борьбе» (автор ясно имеет в виду борьбу прогрессивных немецких писателей за единство Германии)...

Если сплать с этих высказываний покров высоких речений, то перед нами предстанет весьма прозаический приказчик заочных хозяев, обеспокоенных боевой политической активностью прогрессивных немецких писателей...

Отравить атом космополитизма — это значит сегодня — духовно разоружить немцев, парализовать их волю к национальному объединению на зоркой демократической основе и под шумок раскрасить почву для возвращения на командные высоты вчерашних хозяев-напистов в новой роли верных ланцкнехтов англосаксонского империализма...

Разоблачение мифа о «космополитизме» Гете — не трудная задача. Надо только опереться на его творчество, обратиться к его высказываниям и знание «творимой легенды» распадется, как карточный домик.

Широта взгляда поэта, не замыкающего свои чувства и образы в узкие рамки национализма, свидетельствует не о космополитизме, а о размахе и глубине исторического видения, свойственного только Гете, но и любому гениальному художнику любого народа.

Возьмем высказывания Гете на эти темы такими, какими их записал Эккерман в «Разговорах».

«Да и что значит: любить отечество? Что значит: действовать патриотически?» — спрашивает Гете и отвечает: «Если पूरी свою жизнь стараешься бороться с вредными предрассудками, устраняешь узколюбивые взгляды, просвещаешь дух своего народа, считаешь его вкус и облагораживаешь образ его мысли и чувств, то можешь ли он сделать что-нибудь лучшее? И может ли он делать что-либо более патриотическое?»

«Вот слова Гете. Можно ли в этих благородных патриотических словах замечать мутную похлебку космополитизма?»

«Не союзником, а неутомимым и беспощадным врагом предстает Гете перед тем, кто ведет сейчас полку под знаменем Германии. И не космополитическим ублюдком, на порывах клячей которых еще не стерлись следы гитлеровской свастики, истолковывать немецкому народу образ его величайшего поэта в дни двухсотлетия со дня рождения Гете».

«Живые прогрессивные силы немецкого народа встретили двухсотлетий юбилей со дня рождения Гете под знаком дальнейшей против стремления разорвать Германию на «восток» и «запад», против тенденций к превращению Германии в колонию англосаксонского империализма».

«Для нас, советских людей, юбилей Гете — не внешнее событие. С тех пор как в 1780 году появилась первое произведение Гете на русском языке, около двухсот переводчиков, и в их числе крупнейшие поэты и писатели, трудившиеся над тем, чтобы сделать творения Гете доступными широкому русскому читателю».

«Если сплать с этих высказываний покров высоких речений, то перед нами предстанет весьма прозаический приказчик заочных хозяев, обеспокоенных боевой политической активностью прогрессивных немецких писателей, борющихся за единство и демократизацию своей родины».

«Отравить атом космополитизма — это значит сегодня — духовно разоружить немцев, парализовать их волю к национальному объединению на зоркой демократической основе и под шумок раскрасить почву для возвращения на командные высоты вчерашних хозяев-напистов в новой роли верных ланцкнехтов англосаксонского империализма».

«Разоблачение мифа о «космополитизме» Гете — не трудная задача. Надо только опереться на его творчество, обратиться к его высказываниям и знание «творимой легенды» распадется, как карточный домик».

«Широта взгляда поэта, не замыкающего свои чувства и образы в узкие рамки национализма, свидетельствует не о космополитизме, а о размахе и глубине исторического видения, свойственного только Гете, но и любому гениальному художнику любого народа».

«Возьмем высказывания Гете на эти темы такими, какими их записал Эккерман в «Разговорах»».

«Да и что значит: любить отечество? Что значит: действовать патриотически?» — спрашивает Гете и отвечает: «Если पूरी свою жизнь стараешься бороться с вредными предрассудками, устраняешь узколюбивые взгляды, просвещаешь дух своего народа, считаешь его вкус и облагораживаешь образ его мысли и чувств, то можешь ли он сделать что-нибудь лучшее? И может ли он делать что-либо более патриотическое?»

«Вот слова Гете. Можно ли в этих благородных патриотических словах замечать мутную похлебку космополитизма?»

«Не союзником, а неутомимым и беспощадным врагом предстает Гете перед тем, кто ведет сейчас полку под знаменем Германии. И не космополитическим ублюдком, на порывах клячей которых еще не стерлись следы гитлеровской свастики, истолковывать немецкому народу образ его величайшего поэта в дни двухсотлетия со дня рождения Гете».

«Живые прогрессивные силы немецкого народа встретили двухсотлетий юбилей со дня рождения Гете под знаком дальнейшей против стремления разорвать Германию на «восток» и «запад», против тенденций к превращению Германии в колонию англосаксонского империализма».

«Для нас, советских людей, юбилей Гете — не внешнее событие. С тех пор как в 1780 году появилась первое произведение Гете на русском языке, около двухсот переводчиков, и в их числе крупнейшие поэты и писатели, трудившиеся над тем, чтобы сделать творения Гете доступными широкому русскому читателю».

«Если сплать с этих высказываний покров высоких речений, то перед нами предстанет весьма прозаический приказчик заочных хозяев, обеспокоенных боевой политической активностью прогрессивных немецких писателей, борющихся за единство и демократизацию своей родины».

«Отравить атом космополитизма — это значит сегодня — духовно разоружить немцев, парализовать их волю к национальному объединению на зоркой демократической основе и под шумок раскрасить почву для возвращения на командные высоты вчерашних хозяев-напистов в новой роли верных ланцкнехтов англосаксонского империализма».

«Разоблачение мифа о «космополитизме» Гете — не трудная задача. Надо только опереться на его творчество, обратиться к его высказываниям и знание «творимой легенды» распадется, как карточный домик».

Тихоокеанский пакт поджигателей войны

Американские политики обращаются к географии так же вольно, как и с правительственными стран — сателлитов США. В процессе «географической» подготовки Северо-атлантического пакта дипломаты страны доллара совершили демаршевые «открытия».

Они, например, установили, что Италия является атлантической страной, что «Африка» — это географическое продолжение Европы и что тропик Рака в случае необходимости можно оттянуть и на юг и на север хоть до самого полюса...

Иные милитаристская клика США со всевластной ей наглостью объявила во всеулышливе, что в «район безопасности США» входит и много, и мало — весь земной шар. А раз так, продолжают американские генерал-дипломаты, то надо покрывать этот земной шар военными базами, опутать сеть военных пактов и блоков.

История Северо-атлантического блока раскрыла технику и методику пактообразования. Сначала зондирование поджигателей войны № 1 — Черчилль, призвал к единению англо-саксов. К нему присоединились другие оголтелые империалисты вроде Бевина, Снаппа, Шумана, Бидо. Затем в этот хор включилась свора отставных и штатных генералов, которые всеми силами старались раздуть военную историю и запугать мир несуществующей «советской угрозой».

Потом англо-американские монополии устремили свои взоры на Тихий океан. Здесь снова столкнулись интересы алчного Золл-стрит и раздраженного лондонского Сити.

Английская дипломатия попыталась было захватить инициативу в свои руки. Австралийский премьер-министр Чифли, с благословения Бевина, кликнул клич о создании австралийского блока государств тихоокеанского бассейна.

Однако Вашингтон весьма холодно отнесся к этому призыву. Дипломаты США лишний раз заявили, что в настоящее время подписание других пактов, помимо Атлантического, якобы «нецелесообразно». Австралийская газета «Трибюн» заметила по этому поводу, что США создают видимость «нерасположения» к тихоокеанскому пакту только для того, чтобы «шантажировать Австралию, Новую Зеландию и Англию и выжать из них больше уступок в качестве цены за американскую поддержку».

Тем временем государственный департамент принял свои меры. Марлонетти Золл-стрит всегда готовый наперевол выслушивать перед хозлом, лишь бы иметь право сказать: «Я — первый». На этот раз «первым» оказался филиппинский президент Кирино.

Этот маленький, но хорошо оплачиваемый человек посажен в президентское кресло по фиктивной конституции, составленной американцами, чтобы оплотнеть «независимость» Филиппин. «Независимость» тех самых Филиппин, где существование американских военных баз узаконено кабальными соглашениями на целых девятнадцать лет и где дипломаты, вроде филиппинского представителя ООН Ромуло, ходят в американских военных мундирах.

Как утверждает журнал «Этис», «учение о провинции» — это ключ к разрешению «всех сложных проблем современности». Что же кроется за этим «учением»? Изложение сущности «провинциализма» начинается возгласом испуга. Мистер Стюарт Браун — «спрорек» и провозвестник нового учения — истосечно признается в этом. Его пугает «коллективистская идеология», грозящая уничтожить «дух индивидуализма», иначе говоря, капиталистический строй. Пугают связи классовые и национальные.

Страх лишает человека разума; — это подтверждает дальнейшим рассуждениям мистера Брауна. Охваченный паникой перед миллионами простых труженников, перед могучим движением масс за мир, за демократию, за национальную независимость, он кликушествует:

«На нынешнем этапе развития должна быть вывешена на первый план провинция, а не нация. То, что нужно нашему обществу, это высокоорганизованная провинциальная жизнь. Надо поддержать дух провинции с тем, чтобы вся страна не пошла под влияние возбужденной толпы».

Итак, выдвинутый мистером Брауном «рент», якобы помогающий против всех напастей, подстерегающих капиталистический строй, гласит: раздробить мир на крохотные провинции масштаба церковной или сельской общины. В них — по замыслу Брауна — и должны будут задохнуться силы прогресса.

Не новая идея. В начале нынешнего века примерно с тем же проектом выступил американский социолог Ройс, автор наукообразного сочинения «Расовый вопрос, провинциализм и другие американские проблемы», сразу же и забытого. О ценности родового и общинного начала толковал и немецкие фашисты, планируя «новый порядок» в Европе, в итальянские чернорубашечники, выдвигавшие проект превращения Италии в страну сельских общин.

Кирино был вызван в Вашингтон в качестве почетного гостя. Его с помпой встречал сам Трумен. Оплывавший от горжественных церемоний, Кирино был даже выставлен на показ в американском конгрессе, где, подобно щедринскому «соратнику», произнесла заученную речь о «союзе тихоокеанских стран», направленной против коммунизма.

Поскольку на реакционных американских конгрессменов слово «коммунизм» действует, как красный цвет на быка, Кирино чуть ли не заставляли повторить его речь, а вице-президент США Баркли выразил ему благодарность за это эстрадное выступление под куполом Капитолия.

Марлонетному президенту Кирино было приказано говорить не обо всем и отчасти намеками. Он, например, специально оговорился, что речь идет будто бы не о создании нового военного союза в Юго-восточной Азии, а о каком-то инициальном экономическом сотрудничестве при «моральной помощи» США. Однако он тут же добавил, что у стран, которые должны войти в Тихоокеанский блок, неважно обстоят дело с пушками и солдатами. А без пушек и солдат, уныло намекая Кирино, в странах на юго-востоке Азии править невозможно...

Кирино говорил не только от своего имени, но и от имени своих обанкротившихся коллег — Чан Кай-ши, Ли Сян Мапа, «императора кабачков» Бао Даю и прочего политического отребья. Известно, что Чан Кай-ши последнее время мечется между Филиппинами и Южной Кореей, встречаясь то с Кирино, то с Ли Сян Маном. Ли Сян Ман уже заявил, что он всецело поддерживает идею создания Тихоокеанского блока. Сиднейская газета «Дейли митрон» писала, что предложение о Тихоокеанском пакте всел в Кирино уверенность «отчаявшимся Чан Кай-ши и его, оказавшимся почти в столь же трудном положении, другом Ли Сян Маном».

Несколько дней назад комиссия по иностранным делам палаты представителей США одобрила декларацию, выступающую за создание Тихоокеанского союза. Эта декларация, разумеется, полными полна демагогии и лицемерных фраз о защите «свободы» и «независимости» народов Юго-восточной Азии и т. д. Кляк всегда, комиссия по иностранным делам говорит эвфемическим языком. Она не решает открыто заявить, что создается военный блок поджигателей войны надоблебе Северо-атлантического союза. Но совершенно очевидно, что готовится новый заговор против многомиллионных народов Азии, борющихся за свою национальную независимость. Недаром в кругах, близких к конгрессу, открыто говорят, что, если Тихоокеанский блок будет создан, азиатские сателлиты Золл-стрит смогут получать американское вооружение, как страны, обединившиеся с США в «коллективный обороне», и по «региональному соглашению».

А в «региональном» объединении американские монополисты готовы включить любой материк и любой океан. По их самодурной теории, Азия является их географическим продолжением Соединенных Штатов...

«В нашем Чикаго старожилы насчитывают семь городских достопримечательностей. — не без иронии пишет газета «Чикаго сан энд таймс». — включая в число этих «достопримечательностей» мясные бойни, гангстеры и трущобы, протянувшиеся на много миль. Однако, — продолжает газета, — каждый раз оставаясь без внимания городские свалки и «бомбиско по помойным ямам», которая установила, что многие жители города питаются отбросами».

Газета рассказывает, что чикагская полиция устраняет систематические облавы на годовных людей, называемых «мурсориками» и копошится в кучах отбросов в поисках остатков пищи.

Многие из них просят на свалках всю пощ, чтобы оказаться первыми, когда утренние грузовики доставят «свежие» отбросы.

Некоторые дополнением к красноречивым признаниям газеты может послужить доклад американского Института общественного мнения, периодически производимого опросы населения. В докладе говорится, что в США примерно один человек из семи голодает. Похоронным звоном для миллионов американцев звучат заключительные строки этого доклада: «Данные опроса служат мрачным напоминанием о том, что нищета и голод являются постоянными гостями в Соединенных Штатах как во времена процветания, так и в тяжелые времена».

Временная сенатская комиссия по распределению пособий безработным в крупном промышленном штате Калифорния предложила лишь пособия и заключать в тюрьму безработных, осмеливавшихся выразить протест или недовольство своим положением.

По сообщению «Пилас уорлд», в отчете, изложенном на 229 страницах, комиссия именует безработных «мошенниками».

В статье, опубликованной прогрессивной газетой «Пилас уорлд», рассказывается о нечеловеческих условиях, в которых живет 125-тысячное индейское население штатов Аризона, Нью-Мексико, Колорадо и Юта.

«В резервации, куда американцы загнали представителей десяти племен индейцев, свирепствует нищета, болезнь и смерть, — пишет газета. — Американское правительство прилагает все усилия, чтобы согнать индейцев с земли, занимаемой ими ныне клочком земли. Глава индейской семьи не в силах прокормить своих детей на те гроши, которые он получает».

«Восьмое чудо» Чикаго

«В нашем Чикаго старожилы насчитывают семь городских достопримечательностей. — не без иронии пишет газета «Чикаго сан энд таймс». — включая в число этих «достопримечательностей» мясные бойни, гангстеры и трущобы, протянувшиеся на много миль. Однако, — продолжает газета, — каждый раз оставаясь без внимания городские свалки и «бомбиско по помойным ямам», которая установила, что многие жители города питаются отбросами».

Газета рассказывает, что чикагская полиция устраняет систематические облавы на годовных людей, называемых «мурсориками» и копошится в кучах отбросов в поисках остатков пищи.

Многие из них просят на свалках всю пощ, чтобы оказаться первыми, когда утренние грузовики доставят «свежие» отбросы.

Некоторые дополнением к красноречивым признаниям газеты может послужить доклад американского Института общественного мнения, периодически производимого опросы населения. В докладе говорится, что в США примерно один человек из семи голодает. Похоронным звоном для миллионов американцев звучат заключительные строки этого доклада: «Данные опроса служат мрачным напоминанием о том, что нищета и голод являются постоянными гостями в Соединенных Штатах как во времена процветания, так и в тяжелые времена».

Временная сенатская комиссия по распределению пособий безработным в крупном промышленном штате Калифорния предложила лишь пособия и заключать в тюрьму безработных, осмеливавшихся выразить протест или недовольство своим положением.

По сообщению «Пилас уорлд», в отчете, изложенном на 229 страницах, комиссия именует безработных «мошенниками».

В статье, опубликованной прогрессивной газетой «Пилас уорлд», рассказывается о нечеловеческих условиях, в которых живет 125-тысячное индейское население штатов Аризона, Нью-Мексико, Колорадо и Юта.

«В резервации, куда американцы загнали представителей десяти племен индейцев, свирепствует нищета, болезнь и смерть, — пишет газета. — Американское правительство прилагает все усилия, чтобы согнать индейцев с земли, занимаемой ими ныне клочком земли. Глава индейской семьи не в силах прокормить своих детей на те гроши, которые он получает».

Летская смертность чрезвычайно высока. Из каждых четырех младенцев племен папаго (штат Аризона) один умирает в течение первого года жизни. Средняя продолжительность жизни индейцев папаго — 17 лет.

«В резервации, куда американцы загнали представителей десяти племен индейцев, свирепствует нищета, болезнь и смерть, — пишет газета. — Американское правительство прилагает все усилия, чтобы согнать индейцев с земли, занимаемой ими ныне клочком земли. Глава индейской семьи не в силах прокормить своих детей на те гроши, которые он получает».

Летская смертность чрезвычайно высока. Из каждых четырех младенцев племен папаго (штат Аризона) один умирает в течение первого года жизни. Средняя продолжительность жизни индейцев папаго — 17 лет.

«В резервации, куда американцы загнали представителей десяти племен индейцев, свирепствует нищета, болезнь и смерть, — пишет газета. — Американское правительство прилагает все усилия, чтобы согнать индейцев с земли, занимаемой ими ныне клочком земли. Глава индейской семьи не в силах прокормить своих детей на те гроши, которые он получает».

Летская смертность чрезвычайно высока. Из каждых четырех младенцев племен папаго (штат Аризона) один умирает в течение первого года жизни. Средняя продолжительность жизни индейцев папаго — 17 лет.